

репрессивному законодательству советского периода. Как известно, первыми ситуационный фактор социально-экономического коллапса 1990-х г., был успешно преодолен именно комплексом медико-биологических наук, справившихся с внутренними инерционными процессами, и в настоящее время формулирующими основные направления устойчивого развития национальной экономики и общества в целом. Поэтому возникла необходимость уголовно-правовой охраны окружающей среды, в том числе человека и животных, от негативных последствий такой деятельности. В частности, речь идет о составах преступлений, предусмотренных ст.ст. 278, 279 УК 1999 г. Эти посягательства объединяет совокупность социально опасных свойств «биологического фактора», при нарушении правил безопасности обращения с которым, возможно возникновение последствий связанных с возникновением заразных болезней животных. Ряд уголовно-правовых аспектов противодействия распространению возбудителей заразных болезней животных изложен в работе Т.А. Давыдовой, а также в учебной и научно-практической литературе.

Очевидно, что уголовно-правовой аспект охраны отношений в области ветеринарно-санитарной безопасности в отечественной науке исследован недостаточно подробно. Во многом это обусловлено необходимостью обладания специальными познаниями в области ветеринарной медицины, биологии и экологии. Эти обстоятельства обуславливают необходимость комплексного исследования проблем уголовно-правовой охраны этих чрезвычайно важных общественных отношений. Результатом этих научных изысканий должна стать система уголовно-правовых норм, направленных на охрану общественных отношений в сфере обеспечения ветеринарно-санитарной безопасности.

Т.К. Рябинина

канд. юрид. наук, проф.

ФГБОУ ВПО «Юго-Западный государственный университет»

ПРОБЛЕМЫ ИЗБРАНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ

Вопросы, связанные с принятием решения о заключении под стражу обвиняемого (подозреваемого), не перестают быть в центре внимания как практиков, так и ученых ввиду того, что, во-первых, это самая строгая мера пресечения, существенно ограничивающая конституционные права обвиняемого (подозреваемого) на свободу, личную неприкосновенность и другие права, а во-вторых, применение этой меры пресечения, как

показывает судебная практика, довольно часто не имеет под собой достаточных оснований, при этом законность подменяется целесообразностью, достоверность выводов – вероятностью и голословностью.

В последние годы острота этой проблемы стала более очевидной в связи со все возрастающим числом обращений российских граждан в Европейский Суд по правам человека по поводу несоблюдения отечественного уголовно-процессуального закона, а также общепризнанных принципов и норм международного права в ходе осуществления их уголовного преследования.

И хотя вопрос о соответствии российского уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего основания и порядок избрания настоящей меры пресечения, общепризнанным принципам и нормам международного права заслуживает отдельного исследования, на некоторые проблемы «качества» отечественного законодательства и правоприменительной практики, «высветившиеся» именно через призму международного права, хотелось бы обратить внимание в этой статье.

Заключение под стражу избирается, как и любая иная мера пресечения, при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый, подозреваемый скроется от органов дознания, предварительного следствия или суда, может продолжать заниматься преступной деятельностью, угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу (ч. 1 ст. 97 УПК). Формулировка настоящей правовой нормы, конечно, далека от совершенства с точки зрения юридической техники, но указание на «достаточность» оснований в какой-то мере компенсирует отсутствие ясности в определении содержательной, фактической, части этих оснований.

Именно достаточность фактических данных, свидетельствующих о самой возможности наступления последствий, предусмотренных частью 1 ст. 97 УПК, должна привести следователя, дознавателя, прокурора, судью к убежденности в том, что если меры пресечения не будут применены, то обвиняемый (подозреваемый) может скрыться или будет продолжать преступную деятельность и пр. Однако, как совершенно верно отмечается в юридической литературе, категории «при наличии достаточных оснований полагать», «может заниматься преступной деятельностью» и пр. носят оценочный и более того – вероятностный характер [1], поэтому именно этот фактор обуславливает разнообразную и порой противоречивую судебную практику избрания заключения под стражу.

Сложившееся и в теории, и на практике понимание оснований для избрания заключения под стражу сводится к тому, что таковыми является

совокупность доказательств, указывающих, во-первых, на совершение лицом преступления, во-вторых, на такое его поведение, которое вызывает необходимость его изоляции от общества [2].

Наряду с общими для всех мер пресечения основаниями, закон выделяет и специфические, более строгие, условия, при наличии которых допускается применение заключения под стражу. В соответствии с ч. 1 ст. 108 УПК заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения. При избрании данной меры пресечения в постановлении судьи должны быть указаны конкретные, фактические обстоятельства, на основании которых судья принял такое решение.

К несовершеннолетнему подозреваемому или обвиняемому заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть применено в случае, если он подозревается или обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. В исключительных случаях эта мера пресечения может быть избрана в отношении несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести (ч. 2 ст. 108 УПК).

При принятии решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу должны учитываться также тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого, обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства (ст. 99 УПК).

Законодательное регулирование применения заключения под стражу порождает в судебной практике много вопросов, в связи с чем в целях совершенствования правоприменительной практики, исключения нарушений прав подозреваемого или обвиняемого, приведения отечественной судебной практики в соответствие с рекомендациями Европейского Суда по правам человека Верховный Суд РФ неоднократно обращался к проблемам избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, разъясняя истинный смысл и назначение отдельных правовых норм, недостаточно регламентирующих основания и порядок применения самой жесткой меры пресечения [3].

Например, в постановлении от 19 декабря 2013 г. Пленум Верховного Суда РФ, развивая разъяснения, данные им в предыдущем своем постановлении, осветил многие вопросы применения мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога с учетом принятых изменений и дополнений в УПК.

Так, Пленум, основываясь на положениях части 1 ст. 108 УПК о том, что в постановлении судьи должны быть указаны конкретные обстоятельства, приведшие судью к принятию решения об избрании заключения под стражу (предусмотренные частью 1 ст. 97 УПК), установил, что «в качестве оснований для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу могут быть признаны такие фактические обстоятельства, которые свидетельствуют о реальной возможности совершения обвиняемым, подозреваемым действий, указанных в статье 97 УПК РФ, и невозможности беспрепятственного осуществления уголовного судопроизводства посредством применения в отношении лица иной меры пресечения» (абз. 1 п. 5).

В ходатайстве об избрании меры пресечения должны быть приведены данные, свидетельствующие о невозможности избрания иной, более мягкой меры пресечения. Согласно международным нормам, применение заключения под стражу до суда возможно только в случае, если обстоятельства уголовного дела делают это строго необходимым. Заключение под стражу должно быть исключительным и никогда не должно использоваться для целей наказания [4]. В понятие исключительности, как верно отмечает Е.Г. Васильева, должен вкладываться смысл, согласно которому заключение под стражу должно использоваться в судопроизводстве как крайняя мера при условии должного учета интересов расследования предполагаемого преступления и защиты общества и жертвы [5].

При учете тяжести предъявленного обвинения судьям надлежит руководствоваться положениями ст. 6 УПК, определяя разумное равновесие в обеспечении защиты общих интересов от преступных посягательств и защиты личности от незаконного и необоснованного ограничения ее прав и свобод. Так, Европейский суд по правам человека отмечал в своих решениях по конкретным делам, что «необходимо тщательно взвешивать, с одной стороны, права задержанных, с другой – права населения в целом, для которого действия особо опасных преступников представляют серьезную угрозу». Следует иметь в виду при принятии решений по рассматриваемым ходатайствам, что в особых случаях заключение под стражу является средством защиты общества от опасного обвиняемого (подозреваемого). Вместе с тем, опросы судей показывают, что, учитывая тяжесть предъявленного обвинения, они одним из основных мотивов, побуждающих их к принятию такого решения, называют все же «перспективу» осуждения лица с назначением ему наказания в виде лишения свободы. По данным В.Ю. Мельникова, в 84% случаев, если подсудимый находился под стражей, то к нему в последующем было применено наказание, связанное с лишением свободы [6].

Вместе с тем, практике известны и такие случаи, когда по многим уголовным делам происходит завышенная квалификация действий обвиняемых, квалификация «с запасом», причем очевидная, ведущая к тому, что с учетом квалификации на момент избрания меры пресечения в виде заключения под стражу имелись основания для ее избрания, а в стадии судебного разбирательства эти действия переквалифицировались на менее тяжкие, даже на такие составы, санкции которых не предусматривают лишения свободы в качестве меры наказания за содеянное. Ясно, что следователи в таких случаях преследуют не цели обеспечения осуществления правосудия, а скорее удобства в проведении следственных действий с участием обвиняемых и скорейшего окончания предварительного расследования, то есть, как отмечается отдельными авторами, цели «процессуального комфорта» следователя [7]. Поэтому следует признать вполне разумными предложения о том, что при решении вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу судья должен проверять правильность квалификации инкриминируемого подозреваемому или обвиняемому деяния [8].

В отношении подозреваемого мера пресечения в виде заключения под стражу применяется только при наличии «обоснованного подозрения» (п.п. «с» п.1 ст.5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод). Это предполагает, что органы предварительного следствия обязаны представить в суд данные, которые могли бы убедить суд в том, что данное лицо обоснованно подозревается в совершении предполагаемого преступления. Пленум Верховного Суда РФ уточнил, что «обоснованное подозрение предполагает наличие достаточных данных о том, что соответствующее лицо могло совершить это преступление (лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; потерпевший или очевидцы указали на данное лицо как на совершившее преступление; на данном лице или его одежде, при нем или в его жилище обнаружены явные следы преступления и т.п.)» (абз. 1 п. 2).

Подробным образом в постановлении Пленума освещаются вопросы, связанные со спецификой избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, если преступление совершено в сфере предпринимательской деятельности, в отношении несовершеннолетнего обвиняемого или подозреваемого.

И далее Пленум рекомендует судьям: «рассматривая ходатайство об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу, суд должен выяснить, приложены ли к нему копии постановлений о возбуждении уголовного дела и привлечении лица в качестве обвиняемого; копии протоколов задержания, допросов подозреваемого, обвиняемого; иные материалы, свидетельствующие о причастности лица к преступлению, а

также сведения об участии в деле защитника, потерпевшего; имеющиеся в деле данные, подтверждающие необходимость избрания в отношении лица заключения под стражу (сведения о личности подозреваемого, обвиняемого, справки о судимости и т.п.) и невозможность избрания иной, более мягкой, меры пресечения (например, домашнего ареста или залога) (часть 3 статьи 108 УПК РФ)» (абз. 1 п. 13).

Вместе с тем, согласно разъяснениям постановлений Пленума Верховного Суда РФ (как предыдущего, так и нового), проверяя обоснованность подозрения в причастности лица к совершенному преступлению, суд не вправе входить в обсуждение вопроса о виновности лица.

Пожалуй, данные разъяснения продолжают вызывать вопросы у правоприменителей – что значит «убедиться» в достаточности данных о причастности подозреваемого к преступлению и как можно в этом «убедиться» без обсуждения вопроса о виновности лица? Тем не менее, сложившаяся отечественная судебная практика и практика Европейского Суда по правам человека давно ориентируется на определенные стандарты, сводящиеся к тому, что «для применения ареста не требуется, чтобы причастность лица к преступлению была доказана в полном объеме или очевидными обстоятельствами». Наличие обоснованного подозрения подразумевает наличие фактов или информации, на основе которых у объективного наблюдателя сложилось бы убеждение, что данное лицо могло совершить преступление [9].

Итак, следует признать, что «убедиться» в причастности лица к совершению преступления не означает «убедиться» в виновности лица, поскольку основаниями для таких выводов служат совершенно различные объемы доказательств и различные процедуры для признания этих доказательств убедительными и достаточными для принятия соответствующего решения. Признать лицо виновным и даже просто обсуждать этот вопрос может только суд путем полного и непосредственного исследования доказательств в условиях состязательного и гласного судопроизводства, то есть в стадии судебного разбирательства, при рассмотрении уголовного дела по существу. Для принятия промежуточного решения, каковым и является постановление судьи об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, достаточно такого наличия фактических данных, которые убеждают судью в том, что подозрение или обвинение лица в инкриминируемом ему преступлении законно и обоснованно, дана правильная квалификация содеянного, соблюдены все предшествующие этому этапу процедуры, выявлены все обстоятельства, при наличии которых возможно применение данной меры пресечения (предусмотренные статьями 97, 99, 100, 108 УПК). Главное, чтобы выводы судьи о законности и

обоснованности применения меры пресечения в виде заключения под стражу не предрешали окончательные выводы суда по делу [10].

Еще одна проблема, касающаяся избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, нуждается в обсуждении и разрешении – это использование законодателем такой категории, как «в исключительных случаях», влекущее порой вынесение незаконных и необоснованных решений, а также отсутствие единообразия в судебной практике. Так, в исключительных случаях эта мера пресечения может быть избрана в отношении несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести (ч. 2 ст. 108 УПК). В соответствии со ст. 100 УПК в исключительных случаях при наличии оснований, предусмотренных статьей 97 УПК, и с учетом обстоятельств, указанных в ст. 99 УПК, мера пресечения может быть избрана в отношении подозреваемого. Однако перечня обстоятельств, подпадающих под эту исключительность, ни закон, ни разъяснения Пленума Верховного Суда РФ не содержат, на что неоднократно в своих решениях указывал Европейский Суд по правам человека. Например, в решении по делу В.А. Гусинского было отмечено, что власти Российской Федерации не смогли представить каких-либо примеров, подтвержденных или даже не подтвержденных решениями судов, которые могли бы раскрыть понятие «исключительные обстоятельства», тем самым было установлено нарушение ст. 5 Европейской конвенции [11], требующей соблюдение следующих стандартов: 1) лишение свободы должно быть основано на законе; 2) закон должен четко определять случаи, допускающие лишение или ограничение свободы; 3) лишение или ограничение свободы должно происходить с соблюдением определенных гарантий, касающихся как оснований ограничения указанного права, так и процедуры рассмотрения этого вопроса.

В связи с этим Европейский Суд устанавливает, что в случаях, когда национальное право допускает лишение свободы, оно должно быть достаточно доступным и точным с тем, чтобы избежать любых возможных опасностей произвола [12]. Остается только согласиться с теми процессуалистами, которые обращают внимание на то, что применение нормы, закрепленной в ст. 100 УПК, об исключительных случаях каждый раз будет автоматически влечь за собой нарушение ст. 5 Европейской конвенции [13; 14].

Каким образом настоящую норму привести в соответствие с практикой Европейского Суда, сложно сказать, поскольку УПК РФ в отношении подозреваемых устанавливает общие с обвиняемым основания, условия и процедуру избрания меры пресечения.

Однако в законе имеется еще одна норма, содержащая ссылку на исключительность обстоятельств – о возможности избрания заключения

под стражу в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы до трех лет, при наличии одного из следующих обстоятельств: 1) подозреваемый или обвиняемый не имеет постоянного места жительства на территории Российской Федерации; 2) его личность не установлена; 3) им нарушена ранее избранная мера пресечения; 4) он скрылся от органов предварительного расследования или от суда (ч. 1 ст. 108 УПК).

В юридической литературе высказывалось критическое отношение к вышеперечисленным обстоятельствам. Так, российское законодательство фактически не определяет понятие «постоянное место жительства»; неустановление личности подозреваемого является иным основанием для его задержания (ч. 2 ст. 91 УПК), а если и в этом случае она не будет установлена, разумно продлевать срок задержания судом в порядке, предусмотренном пунктом 3 ч. 7 ст. 108 УПК [15]. Более того, положение лица в статусе подозреваемого свидетельствует чаще всего о том, что его причастность к совершению преступления только проверяется, а последние рекомендации Пленума о необходимости учета судьей при решении вопроса о применении меры пресечения в виде заключения под стражу доказанности причастности лица к преступлению приводят к мысли о том, что это лицо уже должно находиться в статусе обвиняемого, а не подозреваемого. Поэтому, с точки зрения защиты интересов подозреваемого, целесообразнее норму о возможности избрания в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу из закона исключить. Однако положительным моментом следует признать тот факт, что в постановлении от 19 декабря 2013 г. Пленум Верховного Суда РФ попытался осветить и эти спорные вопросы (п. 4).

В заключение следует отметить, что, несмотря на приближение российского законодательства, регламентирующего порядок и основания избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, к цивилизованному, общеевропейскому характеру, ряд проблем все же еще нуждается в разрешении на законодательном уровне.

Список использованных источников

1 Давыдова И.А., Ендольцева А.В., Ковтун Н.Н., Колоколов Н.А., Павлухин А.Н., Эриашвили Н.Д., Ярцев Р.В. - Указ. соч. - С. 379-380.

2 Кальницкий В.В. Судебное заседание в досудебном производстве по уголовным делам: учебное пособие. - Омск: Омская академия МВД России, 2009. - С. 57.

3 О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: Постановления Пленума Верховного суда РФ

от 10 октября 2003 г. № 5; от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; от 29 октября 2009 г. № 22 «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста»; от 22 декабря 2009 г. № 28 «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству»; от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога», а также постановление Президиума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2006 г. «О рассмотрении результатов обобщения судебной практики об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений».

4 Рекомендации Комитета министров государствам – членам Совета Европы. Рекомендации R (80) 11 // Рос. юстиция. - 2002. - № 2.

5 Васильева Е.Г. Меры уголовно-процессуального принуждения. - Уфа, 2003. - С. 71-72.

6 Мельников В.Ю. О практике применения судами меры пресечения в виде заключения под стражу: вопросы теории и практики // Рос. судья. - 2009. - № 8. - С. 23.

7 Калинин С.В. Как оценить обоснованность ходатайства об аресте и о его продлении // Уголовный процесс. - 2010. - № 11. - С. 37.

8 Назаров А.Д. Следственные и судебные ошибки при заключении под стражу // Рос. юстиция. - 2010. - № 4. - С. 43.

9 Постановления Европейского Суда по правам человека от 30 августа 1990 г. по делу Фокс, Кэмпбел и Хартли против Соединенного Королевства, от 28 октября 1994 г. по делу Мюррей против Соединенного Королевства, от 19 мая 2004 г. по делу Гусинский против Российской Федерации, решение от 28 февраля 2002 г. по вопросу приемлемости жалобы, поданной В.М. Лабзовым против Российской Федерации.

10 Токарева М.Е., Буланова Н.В., Быкова Е.В., Власова Н.А., Руденко С.В. Меры процессуального принуждения в досудебном производстве по уголовным делам. - М.: Юрлитинформ, 2005. - С. 123;

11 Постановление Европейского Суда по правам человека от 19.05.2004 г. по делу Гусинский против Российской Федерации.

12 Постановление Европейского Суда по правам человека от 25.06.1996 г. по делу Амюур против Франции.

13 Юношев С.В. Стандарты Европейского Суда по правам человека в отношении применения меры пресечения в виде заключения под стражу // Государство и право: вопросы методологии, теории и практики функционирования: сб. науч. ст. Вып. 2 / под ред. А.А. Напреенко;

Федер. агентство по образованию. – Самара: Самарский университет, 2006. - С. 450.

14 Анищик О., Сучкова М. Право на свободу и личную неприкосновенность: типичные нарушения европейских стандартов в рамках уголовно-процессуальных отношений // Государство и право: вопросы методологии, теории и практики функционирования: сб. науч. ст. Вып. 2 / под ред. А.А. Напреенко; Федер. агентство по образованию. – Самара: Самарский университет, 2006. - С. 508.

15 Газетдинов Н.И. О необходимости и обоснованности заключения под стражу // Рос. судья. - 2009. - № 4. - С. 45.

И.М. Сеница

канд. юрид. наук

УО «ГГУ им. Ф. Скорины»

ПРИВЛЕЧЕНИЕ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КОРЫСТНОГО ПРЕСТУПНИКА

Уголовное законодательство устанавливает критерии индивидуализации ответственности, которые только в общем совпадают с критериями, лежащими в основе дифференциации ответственности. Прежде всего, при дифференциации ответственности эти обстоятельства указываются законодателем в абстрактном виде, а при индивидуализации – конкретизируются применительно к определенной ситуации и личности виновного.

Т.А. Лесниевски-Костарева по этому вопросу высказывается следующим образом: «Для уголовно-правовой политики в сфере законодательства характерна дифференциация уголовной ответственности, а в области правоприменения – ее индивидуализация правоприменителем» [1, с. 23]. Индивидуализация ответственности предполагает, с одной стороны, назначение справедливой меры уголовной ответственности, в т.ч. наказания, соразмерной тяжести преступления и общественной